

и сегодня. Литературный сборник, составленный гр. В. А. Соллогубом... В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru/ Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке <http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

Вчера и сегодня. Литературный сборник, составленный гр. В. А. Соллогубом... В. Г. Белинский

Назад тому ровно двадцать лет была сильная мода на альманахи. Удача первого альманаха породила множество других. Составлять их ничего не стоило, а славы и денег приносили они много. Бывало, какой-нибудь господин, отроду ничего не писавший, вдруг ни с того ни с сего решится обессмертить свое имя великим литературным подвигом: глядишь – и вышел в свет новый альманах. Книжка крохотная, а стоит десять рублей ассигнациями, и непременно все издание разойдется. Таким образом, издатель за большие барыши и великую славу тратил только сумму, необходимую на бумагу и печать. Как же это делалось? – Очень просто. Издатель обращался с просьбою ко всем авторитетам того времени, от Пушкина до г. Ф. Глинки включительно, – и от всех получал – от кого стихотворение, от кого отрывок из романа в пять страничек, от кого статейку «взгляд и нечто»{1} и т. д. Главное дело, было бы в альманахе пять-шесть известных имен, а мелких писак можно было легко набрать десятки. Тогда многие борзописцы не только не требовали денег за свое мараенье, но еще сами готовы были платить за честь видеть в печати свое сочинение и свое имя. В начале тридцатых годов мода на альманахи кончилась, и, несмотря на то, лучший русский альманах вышел в 1833 году: мы говорим о «Новоселье» г. Смирдина. В 1834 году вышла вторая часть «Новоселья». Впрочем, в этом лучшем альманахе все-таки балласта было больше, чем хорошего; так, например, в первой части на семь весьма плохих статей, каковы: «Русский Икар»{2}, «Призрак», «Раскольник», «Киевские ведьмы», «Омар и просвещение», «Ничто, или Альманажная статья о ничем», «Воспоминания», – было хороших статей только «Бал» и «Бригадир» князя Одоевского да еще разве «Антар» г. Сенковского и смешные сказки Барона Брамбеуса{3}, да статьи две серьезного содержания других писателей. Впрочем, плохие стихотворения: «Михаил Никитич Романов», «Отрывок из драматической поэмы», «Домовой», «Стихи на Новоселье», «Две розы», «Полдень в Венеции»{4} с избытком вознаграждались «Домиком в Коломне» Пушкина, превосходною пьесою Баратынского «На смерть Гете» и пятью баснями Крылова{5}. В прозаическом отделе второй части «Новоселья» была напечатана «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Гоголя: этого довольно, чтоб простить все остальное{6}. По объему «Новоселье» между прежними альманахами походило на слона между воробьями. По всему было видно, что такой альманах мог издать только книгопродавец, сбиравшийся издавать журнал. «Библиотека для чтения» произвела своим появлением совершенный переворот в литературных обычаях и нравах{7}. Литературный труд начал получать вещественное вознаграждение, кроме славы, от которой, как известно, люди не бывают сыты и тепло одеты. Издание альманахов стало делом трудным, потому что из жалкой чести печататься никто не стал давать даром своих статей и своими трудами обогащать антрепренеров. Да и альманахи всем надоели. Несмотря на то, «Утренняя заря» имела большой успех, потому что украшалась прелестными картинками. Тогда альманахи начали было основывать свое существование то на филантропических целях, то на литературных ужинах, за которые сбиралось статьями. Но это и подорвало их вконец: они сделались корзинками, куда все сбрасывали свои бумаги, назначенные на употребление по домашнему обиходу.

И вот теперь вновь является альманах с громкими и безмолвными именами, со стихами и прозою и даже виньеткою перед заглавным листком, виньеткою, которая представляет, как торопится публика покупать «Вчера и сегодня». Заглянем же в этот альманах.

Прежде всего поговорим о пьесах покойного Лермонтова. Пьесы эти суть два отрывка из начатых повестей в прозе и из пяти стихотворений. Первый отрывок довольно велик, но не представляет ничего целого. Несмотря на то, что его содержание фантастическое, читателя невольно поражает мастерство рассказа и какой-то могучий колорит, разлитый широкою кистью по недоконченной картине. С неприятным чувством доходишь до конца этого отрывка, в котором повесть не доведена и до половины, и становится тяжело уверить себя, что конца ее никогда не прочтешь... Второй отрывок очень короток, но дает о содержании повести понятие, в высшей степени завлекательное{8}. Из стихотворений лучшее – «Отрывок», гекзаметрами, в древнем духе. Выпишем его:

Это случилось в последние годы могучего Рима.
Царствовал грозный Тиверий и гнал христиан беспощадно;
Но ежедневно на месте отрубленных ветвей, у древа

и сегодня. Литературный сборник, составленный гр. В. А. Соллогубом... В. Г. Белинский belinskiyvissar

Церкви Христовой юные вновь зеленели побеги.
В тайной пещере, над Тибром ревушим, скрывался в то время
Праведный старец, в посте и молитве свой век доживая,
Бог его в людях своей благодатью прославил.
Чудный он дар получил: исцелять от недугов телесных
И от страданий душевных. Рано утром, однажды,
Горько рыдая, приходит к нему старуха простого
Звания, – с нею и муж ее, грусти безмолвной исполнен.
Просит она воскресить ее дочь, внезапно во цвете
Девственной жизни умершую.. «Вот уж два дня и две ночи, –
Так она говорила, – мы наших богов неотступно
Молим во храмах и жжем ароматы на мраморе хладном,
Золото сыплем жрецам их и плачем.. но все бесполезно!
Если б знал ты Виргинию нашу, то жалость стеснила б
Сердце твое, равнодушное к прелестям мира: как часто
Дряхлые старцы, любуясь на белые плечи, волнистые кудри,
На темные очи ее – молодели; юноши страстным
Взором ее провожали, когда, напевая простую
Песню, амфору держа над головой, осторожно тропинкой
К Тибру спускалась она за водою; иль в пляске
Перед домашним порогом подруг побеждала искусством,
Звонким ребяческим смехом родительский слух утешая!
Только в последнее время приметно она изменилась:
Игры наскучили ей, и взор отуманился думой,
Из дома стала она уходить до зари, возвращаясь
Вечером темным, и ночи без сна проводила.. При свете
Поздней лампы я видела раз, как она на коленях
Тихо, усердно и долго молилась.. кому?.. неизвестно..
Другие стихотворения важны только в психологическом отношении, как любопытные
факты для изучения такой замечательной личности, какова была личность
Лермонтова. Лучше других стихотворение «Казбеку»:

Спеша на север издалека.
Из теплых и чужих сторон,
Тебе, Казбек, о страж Востока!
Приносит странник свой поклон.
Чалмою белую от века
Твой лоб наморщенный увит,
И гордый ропот человека
Твой гордый мир не возмутит.
Но сердца тихого моленье
Да отнесут твои скалы
В надзвездный край, в твое владенье
К престолу вечному..
Молю, да снидет день прохладный
На знойный дол и пыльный путь,
Чтоб мне в пустыне безотрадной
На камне в полдень отдохнуть.
Молю, чтоб буря не застала,
Гремя в наряде боевом,
В ущельи мрачного Дарьяла
Меня с измученным конем.
Но есть еще одно желанье..
Боюсь сказать.. душа дрожит..
Что.. если я..
Совсем на родине забыт!
Найду ль там прежние объятья?
Старинный встречу ли привет?
Узнают ли друзья и братья
Страдальца после многих лет?
Или среди могил холодных
Я наступлю на прах родной
Тех добрых, пылких, благородных,
Деливших молодость со мной?
О! если так.. своей метелью,
Казбек! засыпь меня скорей
И прах бездетный по ущелью
Без сожаления развей!{9}

и сегодня. Литературный сборник, составленный гр. В. А. Соллогубом... В. Г. Белинский belinskiyvissar «Собачка», рассказ графа Соллогуба, – лучшая из прозаических статей здравствующих литераторов, которые снабдили альманах своими вкладками. В один из городов Южной России приехала на ярмарку труппа актеров. У жены содержателя труппы, Поченовского, была болонка, которую та «обожала». Городничиха, увидев собачонку, захотела во что бы ни стало получить ее.

Не успел городничий войти, как жена его бросилась ему на шею.

– Феденька, любишь ли ты меня?

– Да что с тобою, мать моя?

– Милочка, душенька, любишь ли ты меня?

– Ну, известно, люблю. Чего тебе надо?

– Ты видел собачку?

– Какую собачку?

– Вот сейчас прошла Поченовская. Так важничает, что ни на что не похоже.

Вообрази, ведет она собачку...

– Ну так что же?

– Нет, что за собачка, представить нельзя! Я и во сне такой не видывала. Вся кажется в кулак – совершенно амурчик.

– Ну...

– Феденька, ты не хочешь, чтоб я умерла?

– Да что за вздор такой!

– Феденька, подари мне эту собачку, а то, право, умру. Жить без нее не могу...

умру, умру! Дети останутся сиротами.

При этой мысли Глафира Кирилловна заплакала.

– Э, матушка, – сказал, пожимая плечами, городничий, – давно бы ты сказала. Мне, право, не до пустяков теперь. Чиновник-то себе на уме; с ним не легко будет сладить. Ну да бог милостив, и не таких видали. А об собачке ты, матушка, не беспокойся. Я думал, бог знает, что случилось. Просто, скажу два слова Поченовскому, – он мне старый приятель, – и не заикнется даже. Принесет тебе собачку. Да вот что: прикажи-ка подать сюртук да рюмку полынного. У начальника дрожь пробрала.

– Сердитый, что ли? – с заботливостью спросила жена.

– И, матушка, до поры до времени все они сердитые. Иной просто конь, так и ржет и лягает, подойти страшно; а потом пообладится, смотришь, как шелковый, так в езде хорош, что лучшего не надо. Главное только, с какой стороны подойти.

Но городничий встретил по поводу собачки неожиданное и упорное сопротивление со стороны Поченовского: жена антрепренера стоила жены городничего и любила собачку гораздо больше, нежели своего мужа. Тогда театр, или сарай, где давались представления, оказался неблагонадежным со стороны постройки и был запечатан. Товарищ Поченовского отправился с жалобой к губернскому чиновнику, который, узнав о поступке городничего, обещал сослать его в Сибирь. Но дело кончилось тем, что Поченовский, обломав об жену чубук и, с своей стороны, потерпев от нее немалое увечье, вырвал собачонку, которой пришлось так невинно сыграть роль Елены Прекрасной и чуть не погубить Трои, – и представил ее городничему. Но это не все: за свое неповиновение начальству он должен был прибавить к собачонке 500 рублей городничему, 300 рублей архитектору да городничихе купить шаль в 300 рублей. Городничий говорил: «Я бы и простил тебя, да теперь время такое. Не могу, сам видишь, не могу; что станут в народе говорить? Пример будет дурной, послабление. Пеняй на себя, попался сам; не послушал приятеля... самому больно. Кажется, заплакал бы, а делать нечего; пример нужен». После этой сделки театр вдруг оказался безопасным для представлений. В тот же вечер, после спектакля, режиссер пил мертвую вместе с городничим в его же, городничего, доме. После многих тостов провозгласили тост за процветание театра; городничий распростер объятия, и красный, как клюква, Поченовский бросился с чувством к нему на шею. Оба были сильно растроганы, а у городничего даже слезы навернулись на глазах.

– Осип! – сказал он печально, – не грешно ли тебе, до чего довел ты меня!

Побойся бога. Ты с старым другом поступил, как с злодеем каким-нибудь. Не ожидал я, брат, этого от тебя. Ведь ты принудил меня над тобою пример сделать. Войди и в мое, братец, положение. Не пожалел ты обо мне. Право, и мне нелегко. Вот так бы хотел помочь, да нельзя, сам видишь – нельзя было. Грешно тебе, Осип! Дурно, брат, нехорошо!

– Виноват, ваше высокоблагородие! – вымолвил Поченовский.

– Я не сержусь на тебя, – продолжал городничий. – Я это говорю из любви к тебе. Запомни мой совет: не надейся на других и кончай сам всякое недоразуменье. Вот, например, у тебя дело с городovým: с городovým и кончай; это тебе будет стоить синюю ассигнацию и два стакана пуншу. Не захочешь, пойдешь к частному, там уж подавай беленькую да ставь шампанское. Выше пойдешь – там уж пахнет сотнями, а

и сегодня. Литературный сборник, составленный гр. В. А. Соллогубом... В. Г. Белинский belinskiyvissar дело все-таки кончит тот же городской, и все за ту же синюху да за два стакана пуншу. Так уж лучше ты и кончай с ним. Поверь мне, братец, я друг твой и желаю тебе добра. Вот не послушался ты меня, и сам теперь не рад, и меня, приятеля, старого друга, принудил поступить строго. Забыл старую дружбу, разогорчил, обидел, сокрушил совершенно!..

Голос Федора Ивановича сделался до того жалостен, что Поченовский, проникнутый чувством своей виновности, не знал даже, как извиниться. Молодой художник был принужден за него вступиться.

– Все это правда, ваше высокоблагородие, – сказал он робко, – да наказанье-с-то, кажется, строгонько.

– Эх ты, молодой человек, молодой человек! – продолжал, пожимая плечами, городничий. – Мало ты, видно, жил на свете. Ведь я, братец, человек семейный, дети, жена. Это чего стоит? Мое дело, известно, незавидное: придет недобрый час, – и попал под суд, а там и след простыл, да у детей-то кусок хлеба, у жены деревенька, где она может жить по своему дворянскому званию. Так поневоле тут лучшего друга прижмешь. Не все быть беленьким, поневоле сделаешься и черненьким, а нельзя без этого. Вот изволишь ты видеть: вчера прошелся я по рядам, похвалил то и другое. Купцы, бестии, кланяются да только бороду поглаживают. А небось узнали нынче, какой я над Осипом пример сделал, так изволь-ка на окно взглянуть, – вот оно, что я похвалил вчера... так и стоит рядком.

Молодой человек взглянул на окна: на них действительно была навалена целая громада кульков, свертков, товару всякого вида и объема.

– А что бы ты на то сказал, – продолжал городничий, наклонясь на ухо к своему собеседнику, – если и сам-то я иначе делать не мог, если бы с ярмарки-то надо было мне самому поднести г. губернскому чиновнику 15 000 рублей, – ты мне их, что ли, дашь?.. а?..

Рассказ графа Соллогуба оканчивается этими глубокознаменательными словами: «Вот какие еще бывали на святой Руси случаи сорок лет тому назад!»{10}

Довольно интересна статья г. Второва: «Гаврила Петрович Каменев». Каменев был литератор, умерший назад тому сорок лет. Громкую известность добыл он себе тогда балладой «Гром-вал», для того времени удивительною. Г-ну Второву попались в руки письма и записки Каменева, которые он и напечатал в этой статье. Как голос из могилы, как живая картина старины, написанная ее современником без всяких претензий, – эти записки и письма тем более любопытны, что русская литература совершенно бедна такого рода живыми памятниками. Судите сами: {11}

В прошедшем письме я обещал вам сообщить подробности визита моего у г. Карамзина. Вот они. В половине 12-го часа с старшим сыном г. Тургенева{12} поехали мы на Никольскую улицу и взошли в нижний этаж зелененького домика, где г. Карамзин нанимает квартиру. Мы застали его с Дмитриевым, читающего 5-ю и 6-ю части его путешествия, которые теперь в петербургской цензуре и скоро вместе с «Московским журналом» будут напечатаны. Увидевши нас, Карамзин встал из вольтеровских кресел, обитых алым сафьяном, подошел ко мне, взял за руку и сказал, что Иван Владимирович давно ему обо мне говорил, что он любит знакомиться с молодыми людьми, любящими литературу, и, не давши мне ни слова вымолвить, спросил: не я ли присылал ему перевод из Казани и напечатан ли он? Я отвечал и на то и на другое как можно короче. После сего начался разговор о книгах, и оба сочинителя спрашивали меня наперерыв: какие языки мне известны? где я учился? сколько времени? что переводил? что читал? и не писал ли чего стихами? Я отвечал, что перевел оду из Клейста. Г-н Дмитриев требовал наступательно, чтобы я несколько строф прочел ему, утверждая, что он последнюю пиесу, которую сочинял, всегда помнит наизусть. Но я имел на этот раз такое отсутствие духа, что не выговорил бы порядочно ни одного слова, и чем более приступали, тем менее чувствовал в себе способности их удовольствовать (хотя всю оду наизусть помню) и наконец отказался слабостию памяти. Карамзин спросил Тургенева, перевел ли переписку Юнга с Фонтенелем из «Философии природы», и начали говорить о сей книге, которой сочинителя он не любит. Вот слова его: «Этот автор может только нравиться тому, кто имеет темную любовь к литературе. Опровергая мнение других, сам не говорит ничего сносного; ожидаешь много, приговоришься, – и выйдет вздор. Нет плавности в штиле, нет зернистых мыслей; многое слабо, иное плоско, и он ничем не бриллирует»{13}. Карамзин употребляет французских слов очень много; в десяти русских, верно, есть одно французское. Имажинация, сентименты, tourment, energie, epithete, экспрессия, экселлировать{14} и пр. повторяет очень часто. Стихи с рифмами называет побежденною трудностью; стихи белые ему нравятся; но говорит, что если начнет писать, то заставит всех подражать себе. По его мнению, русский язык не сотворен для поэзии, а особливо с рифмами; что окончание стихов на глаголы ослабляет

и сегодня. Литературный сборник, составленный гр. В. А. Соллогубом... В. Г. Белинский belinskiyvissar экспрессию. Перебирая людей, имеющих в Казани свои библиотеки, о вас упомянул я и сказал, что вы трудитесь в переводе Тасса. «Да не стихами ли?» – спросил Дмитриев. Я отвечал, что прозою, с перевода Лебрюнова, – и Карамзин признал этот перевод за самый лучший. Дмитриев хвалил Фонвизина, Богдановича; но Карамзин был противоположного мнения, и когда первый читал несколько стихов из поэмы на разрушение Лиссабона, переведенные, как он говорит, Богдановичем, то он критиковал стихи: я жив, я чувствую, и сердце от мученья
Взывает ко творцу и просит облегченья...{15}
называя их слабыми и проч. Он росту более, нежели среднего, черноглаз, нос довольно велик, румянец неровный и бакенбард густой. Говорит скоро, с жаром и перебирает всех строго. Сожалеет, что не умел воспользоваться от своих сочинений, и называет их своею деревенькою. Дмитриев росту высокого, волос на голове мало, кос и худощав. Они живут очень дружно и обращаются просто, хотя один поручик, а другой генерал-поручик. Прощаясь со мной, просил меня, чтоб я чаще к нему ходил{16}.

Третьего дня я сделал второй визит г. Карамзину, и принят им столь же хорошо, как и в первый. Севши в вольтеровские свои кресла, просил он меня, чтобы я сел на диван, возвышенный не более шести вершков от полу, где, как карла перед гигантом, в уничижительнейшем положении, имел удовольствие с час говорить с ним. Г-н Карамзин был в совершенном дезабилье: белый байковый сюртук, нараспашку, и медвежьи большие сапоги составляли его одежду. Говоря о новых французских авторах (которых я очень мало знаю), советовал мне читать новейшие романы, утверждая, что ничем не можно столь себя усовершенствовать в истине, как прилежным чтением оных. Советовал мне сочинять что-нибудь в нынешнем вкусе и признавался, что до издания «Московского журнала» много бумаги им перемарано и что не иначе можно хорошо писать, как писавши прежде худо и посредственно. Журнал его скоро выйдет новым тиснением{17}. – Комнаты его очень хорошо убраны, и на стенах много портретов французских и итальянских писателей; менаду ними заметил я Тасса, Метастазия, Франклина, Бюффлера, Дюпати и других беллетристов. Сколь он ни добр, сколь характер его ни кроток, но имеет многих неприятелей, которые из зависти ему вредить стараются. Некто сочинил на него следующую глупую эпиграмму:

Был я в Женеве, был я в Париже:
Спесью стал выше, разумом ниже.
А на «Безделки» его также кто-то сделал стихи:
Собрав свои творенья мелки,
Француз, из русских, надписал:
«Мои безделки»,
А ум, прочтя, сказал:
Немного дива,
Лишь надпись справедлива{18}.

Г-н Дмитриев, почитатель и друг Карамзина, думая, что последние стихи сочинены Шатровым, отвечал на них:
Коль разум чтить должны мы в образе Шатрова,
Нас, боже, упаси от разума такого{19}.

Занимательная статья г. Струговщикова «О Шиллере и Гете» заключена прекрасным переводом известного стихотворения Гете: «Богиня фантазии».

«Сиротинка», – рассказ князя Одоевского, можно упрекнуть в не совсем естественной идеализации быта деревенских крестьян, наподобие того, как они идеализируются в дивертисманах, даваемых на наших театрах. Впрочем, видно, что этот рассказ еще первый опыт нашего даровитого писателя на новом для него поприще, к которому он еще не успел привыкнуть. Но недостатки этого рассказа вполне выкупаются его прекрасною и благородною мыслию и целью.

Статья гр. А. Толстого: «Артемий Семенович Бервенковский»... Но мы лучше не будем о ней говорить...{20} Nonni soit qui mal u pense...[1]

Теперь о стихотворениях. Тут помещена целая повесть в стихах Жуковского: «Капитан Бопп», представляющая чтение весьма назидательное. Кроме того, есть стихи графини Ростопчиной, князя Вяземского, гг. Коренева, Тургенева, Языкова и Бенедиктова. Стихотворение г. Бенедиктова «Ревность» принадлежит к разряду невероятных стихотворений. Представляем его на суд наших читателей так, как оно есть, без всяких замечаний:

Есть чувство адское: оно вскипит в крови
И, вызвав демонов, вселит их в рай любви,

и сегодня. Литературный сборник, составленный гр. В. А. Соллогубом... В. Г. Белинский belinskiyvissar
Лобзанья отравит, оледенит объятья,
Вздых неги превратит в хрипящий вопль проклятья;
Отнимет все – и свет и слезы у очей,
В прельстительных власах укажет свитых змей,
В улыбке алых уст – гиены ослабленье
И в тихом шепоте – ехидное шипенье!
Смотрите – вот она! – Улыбка по устам
Ползет, как светлый червь по розовым листам;
Она – с другим – нежна! Увлажены ресницы,
И взоры чуждые сверкают, как зарницы,
По шее мраморной! Как молнии скользят
По персям трепетным! Впиваются, язвят,
По складкам бархата медлительно струятся
И в искры адские у ног ее дробятся,
То брызжут ей в лицо, то лижут милый след:
Вот – руку подала! Изменницы браслет
Не стиснул ей руки! Уж вот ее мизинца
Коснулся этот лев из модного зверинца
С косматой гривой! Зачем на ней надет
Сей ненавистный мне лазурный неба цвет?
Условья нет ли здесь? В вас тайных знаков нет ли,
Извинченных кудрей предательные петли,
Вы, пряжи черных кос, задернутые мглой,
Вы, верви адские, облитые смолой,
Щипцами демонов закрученные свитки,
Снаряды колдовства, орудья вечной пытки!
Странно! Эти невероятные стихи почему-то напомнили нам эти превосходные стихи
Лермонтова:

Какое дело нам, страдал ты или нет?
На что нам знать твои волненья,
Надежды глупые первоначальных лет,
Рассудка злые сожаленья?
Взгляни: перед тобой играючи идет
Толпа дороною привычной:
На лицах праздничных чуть виден след забот,
Слезы не встретишь неприличной.
А между тем из них едва ли есть один,
Тяжелой пыткой не измятый,
До преждевременных добравшийся морщин
Без преступленья иль утраты!..
Поверь: для них смешон твой плач и твой укор
С своим напевом заученным,
Как разрумяненный трагический актер,
Махающий мечом картонным...{21}

Да, воля ваша, а издать хороший альманах, альманах без балласта, без статей
уродливо-безобразных, оскорбляющих и вкус и смысл, без хлама посредственности и
ничтожности, – издать такой альманах в наше время очень трудно! При добровольных
вкладах всякое даяние благо; тут выбор невозможен; лепту от усердия не
отвергают, хотя бы эта «лепта от усердия» означала ни больше ни меньше, как
желание отделаться от просьб чем-нибудь. Каким бы талантом и каким бы вкусом ни
обладал составитель альманаха, но не в его воле, не в его возможности отделаться
от невероятных стихов вроде «Ревности» и невероятной прозы вроде «Артемия
Семеновича Бервенковского»...

Сноски

1

Позор тому, кто дурно об этом подумает... (фр.). – Ред.

Комментарии

1

Ср. слова Репетилова об Удушье («Горе от ума», д. IV, явл. 4), см. примеч. 29
к статье «Сто русских литераторов... Том третий». Вместе с тем это намек на статью

и сегодня. Литературный сборник, составленный гр. В. А. Соллогубом... В. Г. Белинский belinskiyvissar
Ф. В. Булгарина «Ничто, или Альманажная статейка о ничем» (альманах «Новоселье»
на 1833 г.).

2

«Русский Икар» – рассказ К. П. Масальского; «Призрак», рассказ Б. М. Федорова;
«Раскольник» – «повесть первой половины XVII столетия» В. И. Панаева; «Киевские
ведьмы» – рассказ О. М. Сомова (псевдоним: Порфирий Байский); «Омар и
просвещение» – статья Ф. В. Булгарина; «Воспоминания» – Н. И. Греча.

3

Смешные сказки Барона Брамбеуса – повести О. И. Сенковского «Незнакомка» и
«Большой выход у Сатаны».

4

«Михаил Никитич Романов», отрывок из трагедии «Борис Годунов» М. Е. Лобанова;
«Отрывок из драматической поэмы» – М. П. Погодина; «Домовой» – стихотворение Е.
Ф. Розена; «Стихи на Новоселье» – Д. И. Хвостова; «Две розы» – А. С. Норова;
«Полдень в Венеции» – Е. П. Занцевского.

5

В «Новоселье» на 1833 г. были помещены басни Крылова (из кн. IX): «Пастух»,
«Белка», «Мыши», «Лиса», «Волки и Овцы».

6

См. анализ первой и второй книг «Новоселье» в рецензии на второе их издание –
наст. изд., т. 8.

7

Об этом Белинский, начиная с «Литературных мечтаний» (см. наст. изд., т. 1, с.
121–123), писал неоднократно.

8

В альманахе «Вчера и сегодня», кн. 1, были помещены «Отрывок из начатой повести»
(«У графини В*** был музыкальный вечер...») и «Другой отрывок из начатой повести»
(«Я хочу рассказать вам историю женщины...») Лермонтова.

9

Белинский цитирует стихотворение Лермонтова с теми пропусками (вероятно,
цензурного происхождения), которые были в альманажной их публикации. Ср. стих
12: «к престолу вечному аллы»; 23: «Что, если я со дня изгнания». В стихе 35
«бездомный» заменено на «бездетный».

10

Рассказ «Собачка» – первый в цикле под заглавием «Эпизоды Теменевской ярмарки,
или Воспоминания странствующего актера», с посвящением М. С. Щепкину, от
которого автор и услышал эту историю. По свидетельству Щепкина (см.: «Записки
актера Щепкина». М., 1938, с. 133), многое Соллогубом было «даже... смягчено».
Белинский цитирует с незначительными отклонениями от текста рассказа; курсив
принадлежит ему.

и сегодня. Литературный сборник, составленный гр. В. А. Соллогубом... В. Г. Белинский belinskiyvissar

11

Далее цитируется отрывок из письма Г. П. Каменева из Казани к С. А. Москотильникову, актеру и переводчику «Освобожденного Иерусалима» Тассо, от 10 октября 1801 г.

12

Речь идет о старшем сыне И. П. Тургенева, директора Московского университета, Андрее Ивановиче Тургеневе (1781–1803), поэте.

13

Бриллирует (от фр. briller) – блеснуть.

14

Имажинация (фр. imagination) – воображение; сентименты (фр. sentiments) – чувства, ощущения; tourment (фр.) – мука, мучение; energie (фр.) – сила, энергия, стойкость; epithete (фр.) – эпитет, прилагательное; экселлировать (фр. exceller) – превосходить, отличаться.

15

Из «Поэмы о разрушении Лиссабона» Вольтера в переводе И. Ф. Богдановича (СПб., 1802).

16

После строки отточий цитата из другого письма Г. П. Каменева к С. А. Москотильникову (октябрь 1801 г.).

17

«Московский журнал» (1791–1792) Н. М. Карамзина вышел вторым изданием в 1801–1803 гг.

18

Эпиграмма принадлежит Н. М. Шатову; в тексте ее, опубликованном М. А. Дмитриевым («Москвитянин», 1854, т. IV, № 16, «Критика», с. 194–195), три строки звучат иначе: «Русак немецкий написал», «А ум, увидя их, сказал: «Ни слова! диво!»

19

Ср. в той же публикации М. А. Дмитриева этот ответ И. И. Дмитриева в таком виде:

А я, хоть и не ум, но тож скажу два слова:
Коль будет разум наш во образе Шатрова,
Избави боже нас от разума такова!

20

К первому произведению А. К. Толстого – повести «Упырь» Белинский отнесся в 1841 г. вполне благожелательно (см. наст. изд., т. 4, с. 466–467). См. также и отзыв в рецензии на кн. 2 сб. «Вчера и сегодня» об «Амене» (отрывок из романа «Стебеловский») как о вещи «довольно скучной», навеянной Шатобрианом (см. эту рецензию в наст. изд., т. 8).

Из стихотворения «Не верь себе». Курсив Белинского.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!